

© Д.Е. ЭРТНЕР
edasha@mail.ru

УДК 81'22

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОД ПОЭЗИИ Р. БЕРНСА:
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ***

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются метафорические концепты, участвующие в параметризации поэтического пространства стихотворений Р.Бернса. В ходе когнитивного анализа выделяются и интерпретируются особенности метафорических картин мира оригинала и его русских переводов, проявляющиеся при их наложении.

SUMMARY. In the frame of cognitive Linguistics, we take for granted that metaphorical concepts in the poetry shape the worldview of the poet, structure the most important images and understandings. Our work also deals with the peculiarities of metaphorical transformations in R. Burns' poetry as the means of creating the integral world of the artist.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Метафорический концепт, интерпретация, метафорический код.

KEY WORDS. Metaphorical concept, interpretation, metaphorical code.

Определяя роль метафоры в процессе параметризации знаний о мире и кодирования смыслов, нельзя не признать, что статус этого явления до сих пор вызывает споры в связи со сложностью и многогранностью данного феномена. Таким образом актуальность настоящего исследования не вызывает сомнений и определяется необходимостью осмысления качественных изменений в теории языка и текста, требующих углубленного изучения, структурирования и систематизации языковых средств репрезентации метафорического мышления; общей установкой современной лингвистики на рассмотрение процессов метафоризации и концептуализации в сопоставительном аспекте двух языков (русского и английского).

В настоящем исследовании ставится цель выявления и интерпретации метафорического кода поэзии Р. Бернса и ее русскоязычных переводов, заданного системой метафорических концептов, регламентирующих особое этноспецифичное мировидение художника.

Рассматривая язык как «набор фактов», позволяющих раскрыть основополагающие принципы восприятия действительности разумом («general principle of understanding»), основоположники когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон констатируют: «Эти принципы часто являются метафорическими по своей природе и включают понимание результатов нашего опыта в терминах других данных, полученных опытным путем» [1; 116].

Дж. Лакофф, М.Джонсон и М. Тернер стремятся объяснить принципы, по которым может происходить установление метафорических отношений между отдель-

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы», тема «Проведение научных исследований в области экологии языка и смежных наук», ГК 02.740.11.0594.

ными понятиями. Они используют термин «метафорическая сеть» («metaphorical network») для определения целого комплекса концептов, связывающих ряды понятий в метафорические парадигмы. Данные парадигмы находятся в иерархических отношениях, закрепленных в сознании носителей языка. Эти существующие в нашем сознании матричные структуры, закрепленные в нашем онтологическом опыте, получили в когнитивной науке название «метафорический концепт» [2; 125-126].

В нашем исследовании, выполненном в русле данной традиции, мы исходим из положения, выдвинутого И.В. Толочиним, что «внутри текстов отдельные метафорические выражения соотносятся друг с другом через общность или близость метафорических концептов, стоящих за ними, а также за счет образуемых полей, рядов слов, используемых в этих метафорических сочетаниях» [3; 3]. Под метафорическим концептом, вслед за М.В. Никитиным, мы понимаем «моделированное взаимодействие концептов на аналогической основе» [4; 20].

Так, в творчестве Р. Бернса можно выделить метафорические поля, основу которых формируют главные стихии природного мира «Земля», «Вода», «Воздух», «Огонь» и их структурирующие метафорические сети. «Стихии — огонь, воздух, земля, вода, — уже издавна помогавшие философам представить величие мироздания, остаются и первоначалами художественного творчества», — утверждает Г. Башляр [5; 7]. Метафорические поля Земли, Воды, Воздуха и Огня проявляются как мироформирующие доминанты метафорической картины мира Р. Бернса и задают представление о ее пространственном устройстве. Понятие доминанты, вслед за Н.А. Купиной, мы понимаем как «опорный (относительно выражения художественного содержания) ряд элементов, отличающийся в границах цикла ощутимостью своего построения, обладающий особой эстетической значимостью, ценностью» [6; 46].

Рассмотрим, как функционирует каждое из выделенных метафорических полей в поэзии Р. Бернса и ее русских переводах. Метафорическое поле «Земля» является многоуровневой системой, в которой можно выделить: флористическую, локативную и анималистическую метафорические сети, представленные посредством метафорических концептов «цветок — девушка», «цветок — судьба», «цветок — поэт», «дерево — поэт», «колос — национальный шотландский герой» и др.

Прямая метафорическая номинация «я — птица»: «...and I, a bird to shelter there/ When wearied on my little wing» [7; 383] создает концептуальный каркас для комбинаторных приращений смысла. Метафорический концепт «птица — поэт» актуализируется через образ крыла: «когда устану на моем маленьком крыле...», необходимость укрытия для маленького, хрупкого существа: «укроюсь там...». Качества вспомогательного субъекта (птицы) переносятся в семантическое пространство «человек» и становятся атрибутом самого поэта. Антропоцентризм метафорики — явление в поэзии Р. Бернса не только редкое, но и обладающее своими особенностями. Автор не просто задействует семантическое пространство «человек» в процессе метафоризации, он расширяет это понятие до масштаба «Поэт». Происходит полное отождествление комплексов: «животное — человек — поэт», «птица — человек — поэт», где обобщенный образ, «человек», сразу заменяется «Я» субъекта — поэта. Поэтому в данном исследовании мы не выделяем метафорическое поле «человек» как самостоятельное аналитическое пространство. Этноприоритеты русской культуры можно выявить на примере метафорического концепта «человек — дерево». Для Бернса тип дерева значе-

ния не имеет, это своего рода обобщенный образ: «I'm a bending aged tree, that long has stood the wind and rain» [7; 120]. Актуализируется лишь смысл «возраста», «старости» через атрибуты «bending» («склоненный»), «aged» («старый»), атрибутивную конструкцию, со значением «долгого противостояния стихиям»: «that long has stood the wind and rain». В русском языке подобными комбинациями смыслов обладает конкретный вид дерева — дуб: «меня, как этот старый дуб...» [8; 185]. При этом в сознании носителей русского языка дуб — символ мудрости, силы, олицетворение мощи земли. Кроме того, наблюдается различие синтаксических форм для выражения этого концепта: Бернс полностью отождествляет себя и дерево («I am <...> a tree...»): это одно целое, единый образ. В русском варианте переводчик использует сравнительную метафорическую конструкцию, осуществляя разграничение «я» и «как бы я». Далее переводчик привносит типичный для русского самосознания образ, присутствующий уже в фольклоре, «матушки-земли»: «и мой последний корешок расстался с матушкой-землей» [8; 186]. Словоформа «матушка» соотносится с коннотациями концепта «дуб», и вместе они служат элементами общей метафорической структуры.

Метафорическое поле «вода» занимает одну из главенствующих позиций в миропонимании Р. Бернса. Вода — это жизнь земли: «именно вода вовлекает весь пейзаж в свою собственную судьбу» [5; 96]. Через качества воды, ее активизирующее начало, описывается, метафоризируется весь мир. В творчестве Р. Бернса метафорическое поле «вода» представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой можно выделить метафорические сети волны и осадков, структурированных за счет метафорических концептов «поток — жизнь», «рыба — поэт», «вода — мечта» и др. «лужа — сердца», «плотина — жизнь».

В значении «сточная канава» лексема «a dyke»: «Your hearts are just a standing pool./Your lives — a dyke [7; 256] дублирует смысл «стоячей воды»: и сердца, и жизнь отождествляются с обездвиженным водным пространством, лишенным положительных коннотаций. Образ «плотины» (второе значение лексемы «a dyke») служит основой для комбинаторных приращений смыслов, при этом метафорический концепт «стоячая вода — сердца» находится в причинно-следственной зависимости от метафорического концепта «плотина — жизнь». Оба примера являются элементами одной метафорической структуры, основанной на отрицательных качествах воды, лишенной динамики, развития.

В русском осмыслении метафорических концептов Бернса отсутствует представление о «текучести» окружающего пространства. Так, переводчики строят свои метафоры на принципе динамичности: «прибой желаний» [8; 374], «в унынии погряз» [8; 96]. Концепты «желание» и «уныние» выражены стихией воды: волны или болота. Но значение этих метафорических образов построено на контрасте: ярко проявляющееся желание, сильное чувство, «бьет прибоем». Активное, агрессивное начало акцентировано фонетически, на уровне приема аллитерации, рефренных «р», «б», «ж», «л». Уныние, напротив, ассоциируется с вязкостью болота, приращение смысла происходит за счет значения глагола «погряз» (угодить во что-то вязкое, тягучее, засасывающее). Звукопись: «н», «п», «с» (оглушение согласного на конце слова) — воссоздает отсутствие динамики, напора жизни.

Метафорическое поле «Воздух» представляет собой неоднородную, многоуровневую систему, в которой можно выделить метафорические сети «ветер»

и «буря». Если «ветер» является характеристикой пространства, то «буря» в поэзии Р. Бернса — абстрактное понятие (Фатум), персонифицированный образ, функционирующий в пространстве земли как субъект. Данное поле представлено метафорическими концептами «звук ветра — свист», «звук ветра — отголоски эха», «уничтожающий вихрь — смерть»: «O raging Fortune's withering blast» [7; 158]. Импликационалом, на основании которого происходит сближение двух концептов, служат разрушительные свойства стихии. Значение трансформируется по схеме «физическое явление» — «абстрактное понятие». Разрушительный вихрь является метафорой судьбы, кончины, неизбежности смерти, которая по своей природе неординарна. Наше внимание акцентируется такими словоформами, как «raging», «withering», «blast», «знойный», «злой». У Бернса «вихрь злой судьбы» («Raging Fortune») — метафора смерти (рефреном проходит через все стихотворение): в начале — это смерть не на закате жизни, а именно во цвете лет. Злая судьба кладет конец всем жизненным планам и даже самой жизни, природы и человека, ведь «northering blast» и «знойный» встречаются летом, то есть в середине жизни. А в последних строках «вихрь судьбы» — это тоже метафора смерти, но конца закономерного, после цветения — «laid my blossoms low», «весь цвет мой оборвал», что далее акцентируется прилагательным «northern», характеризующим осень и зиму. Все эти образы представляют фрагмент метафорической картины мира, куда входит и жизнь самой природы, и человека. В последних строках стихотворения Р. Бернс наделяет судьбу таким эпитетом, как «luckless», присущим человеку, что в сочетании с графически-стилистическим приемом использования заглавной буквы подчеркивает соотнесенность созданных им метафор с концептами «Жизнь» и «Смерть». Но, несмотря на судьбу и смерть, жизнь продолжается, природа переходит из одного состояния в другое. Этот круговорот повторяется вновь и вновь, о чем свидетельствует большинство поэтических текстов Р. Бернса: «To a Mountain — Daisy», «John Barleycorn», «To miss Logan ...», «Address to the Shade of Thomson», «New — Year Day» и многие другие.

В пространстве метафорического поля «Огонь» в творчестве Р. Бернса можно выделить метафорические сети «светил», «драгоценного камня», «света», «войны». Концепт «огонь» представляет собой амбивалентную структуру. Так, образы светил (их животворящей силы) имеют ярко выраженную положительную коннотацию, в то время как разрушительная ипостась огня реализуется через метафорику оружия, орудий земледелия, носителей смерти природного начала.

Интересно отметить различия при описании концепта «искусственный огонь» в оригинале и переводе. Так, метафорический концепт «поэт — огонь» находит отражение в метафоре «Пылаю факелом для всей округи здешней» [8; 127]. Образ «факела» отражает значение «внешнего огня». Поэт своим творчеством освещает жизнь другим, сгорая сам. Метафоризируется и значение «внутреннего», а не «внешнего» света, «света изнутри»: «I look through Nature with creative fire» [7; 237]. Тема «творения» актуализируется посредством прилагательного «creative» в сочетании с метафорической номинацией «fire».

Отметим также, что для Р. Бернса немаловажное значение имеет цветоцветовая метафора. Метафорика цвета может проследиваться на контекстуаль-

ном уровне. Столь явное тяготение автора к метафоре «цвета» вновь обусловлено «опредмеченным» видением мира, свойственным Бернсу, поэту эпохи Просвещения. Предметное восприятие цвета актуализируется употреблением вещественных образов, имеющих одним из компонентов значения цветовой фрагмент.

Таким образом, метафорическая картина мира оригинала проецируется на пространство русскоязычного текста с проявлением типичных для русского самосознания особенностей. В переводах метафорический концепт реализуется через ряд взаимообусловленных мини-метафор (ветра, искусственного света, грозы, колеса), сочетаний, смысл которых определяется на основе механизмов концептуализации значений и реализуется в пределах целого поэтического текста. Так, появляются самостоятельные новые концепты: «дом», «широкое пространство» (поле, луг, даль), «перспектива», искусственный свет и др. Обнаруживает себя влияние национальной фольклорной традиции: образы Бернса трансформируются в русские языковые формулы («матушка-земля»), словоформы: «душа», «дуб» и т.д.

Выделенные в процессе работы над материалом метафорические поля являются первоначалами поэтического творчества, их реализация в поэзии Р. Бернса и ее переводах всегда метафорична по своей сути. Без этих космических сил вселенной не может быть осмыслено самоопределение Поэта.

В заключение заметим, что фундаментальное лингвокогнитивное описание этноспецифических концептуальных моделей предполагает расширение эмпирической базы исследования. В перспективе необходимо выявление национально-культурной специфики метафорического миропонимания в контексте метафорической концептосферы английского и русского поэтических миров различных эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lakoff, G. and Johnson, M. *Metaphor We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
2. Turner, M. *Reading Minds: The study of English in the age of cognitive Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. 298 p.
3. Толочин И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 95 с.
4. Никитин М.В. Концепт и метафора // *Studia Linguistica-10*. Проблемы теории европейских языков. СПб.: Тригон, 2001. С. 16-36.
5. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 268 с.
6. Купина Н.А. Лирика раннего Маяковского. Лингвистический анализ: Учеб. пособие. Свердловск: УрГУ, 1988. 88 с.
7. Burns. *The Works of Robert Burns*. Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. 635 p.
8. Бернс Р. Собрание поэтических произведений. М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1999. 704 с.